

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

В. Клинов

Сдвиги в мировой экономике в XXI веке: проблемы и перспективы развития*

В статье рассматриваются проблемы мировой экономики, обострившиеся вследствие сдвигов в соотношении сил крупных развитых и развивающихся стран в XXI в., особенно в области выпуска промышленной продукции и международной торговли товарами. Глобализация мировой экономики, индустриализация крупных развивающихся стран с вовлечением в мировой воспроизводственный процесс гигантских ресурсов дешевой рабочей силы снизили конкурентоспособность развитых стран, обострили проблему занятости, привели к финансиализации мировой экономики, усугубили неравномерность распределения доходов, замедлили экономическое развитие. Особое внимание уделено причинам сравнительно низкой конкурентоспособности ЕС и еврозоны. Анализируются возможные дальнейшие сдвиги в соотношении экономической мощи крупных развитых и развивающихся стран в период до 2050 г.

Ключевые слова: мировая экономика, развитые страны, развивающиеся страны, глобализация, занятость, распределение доходов, научно-технический прогресс, ИКТ, экономическая политика.

JEL: E60, F15, G15, H12, H41, H60, J11, O11, O47, O57, P50.

Начало нынешнего столетия ознаменовалось кардинальным изменением соотношения экономической мощи крупных развитых и развивающихся стран. Особенно интенсивными были сдвиги в промышленном производстве и мировом экспорте товаров. Тенденция долгосрочного сокращения доли «большой семерки» развитых стран (G7) в мировом выпуске промышленной продукции возникла в 1989 г.

По данным таблицы, до конца XX в. потери G7 носили умеренный характер. За 12 лет — с 1988 по 2000 г. — доля G7 в производстве промышленной продукции мира сократилась на 3,8 п. п. За 15 лет текущего века этот показатель уменьшился на 23,3 п. п. В 2015 г. вклад G7 превысил показатель 2013 г. на 1 п. п. Это повышение произошло

Клинов Виленин Георгиевич (vg.klinov@mail.ru), д. э. н., проф. МГИМО(У) МИД России; г. н. с. Института США и Канады РАН (Москва).

* Статья подготовлена на основе исследования, выполненного в рамках гранта РФФИ 1717-02-00521 «Динамика смены технологических укладов и перспективы грядущих экономических трансформаций».

**Вклад «большой семерки» и Китая в мировой ВВП
и промышленное производство (в %)**

Страна и показатель	1970	1988	1995	2000	2007	2013	2014	2015
G7								
ВВП	58,3	66,0	65,8	65,7	54,9	45,7	45,7	46,4
в том числе США	31,6	26,6	24,7	30,7	25,0	21,7	22,1	24,3
вся промышленность	56,1	63,1	62,5	59,3	44,7	35,0	35,5	36,0
США	28,7	25,1	21,9	25,1	18,9	16,0	16,5	17,7
Япония	7,4	16,9	18,8	15,6	7,8	6,0	5,7	5,6
Германия	7,7	8,2	8,6	6,1	6,4	5,0	5,2	4,9
Великобритания	3,8	4,1	3,7	3,8	3,1	2,0	2,2	2,1
Франция	3,2	3,7	3,8	3,0	2,8	2,0	2,0	1,9
Италия	2,9	4,1	3,5	3,1	3,1	2,0	2,0	1,9
Канада	2,3	2,5	2,0	2,6	2,6	2,0	2,0	1,9
обрабатывающая промышленность	58,7	66,7	68,2	68,1	49,8	39,3	39,3	39,2
в том числе США	29,9	24,2	23,4	28,4	20,0	16,8	17,1	18,6
Китай								
ВВП	2,6	2,1	2,4	3,4	6,2	12,5	13,4	15,0
вся промышленность	3,4	3,1	4,2	6,5	11,4	20,5	21,6	23,6
обрабатывающая промышленность	4,2	6,6	12,4	23,9	24,3	25,5

Источник: National Accounts Main Aggregates Database (<https://unstats.un.org/unsd/snaama/Introduction.asp>).

за счет США, которые компенсировали сокращение доли других членов «большой семерки». В XXI в. обозначилась тенденция к уменьшению вклада G7 в продукцию обрабатывающих отраслей: за 15 лет он снизился на 28,9 п. п. За прошедшие годы XXI в. G7 утратила доминирующее положение в мире — в ВВП, в выпуске промышленной продукции в целом и обрабатывающих отраслей в частности.

Основные потери G7 в мировом промышленном производстве связаны с увеличением доли Китая — на 3,4 п. п. за последние 12 лет XX в. и на 17,1 п. п. за первые 15 лет XXI в. По объему ВВП, оцененному по паритету покупательной способности (ППС), Китай догнал США в 2014 г. По добавленной стоимости промышленной продукции он вплотную приблизился к США в 2010 г., а в 2015 г. превысил их показатель на 33,6%. По этому индикатору Китай может обогнать G7 в 2020 г.

Вследствие сдвигов в соотношении сил в выпуске промышленной продукции изменилась и географическая структура мирового товарного экспорта. Доля развитых стран снизилась с 80,2% в 1988 г. до 79,2% в 1995 г. Через 20 лет, в 2015 г., этот показатель сократился на 19,2 п. п. — до 60%. Одновременно возросла доля развивающихся стран (IMF, 2017a).

**Реакция центров развитого мира на обострение
глобальной конкуренции**

До 1995 г. основные изменения в соотношении сил происходили внутри G7. Они проявились в ослаблении позиций США и увеличении

доли других членов «большой семерки», развивавшихся по траектории догоняющего развития, в первую очередь Японии. В 1970 г. на США приходилось 51,2% совокупного выпуска промышленной продукции G7, в 1988 г. — 39,8 и в 1995 г. — 35,0%. Доля Японии соответственно возросла с 13,2% до 26,8 и 30,1%.

В дальнейшем доля США в выпуске промышленной продукции G7 повышалась и в 2015 г. достигла 49,2%. США продемонстрировали большую устойчивость к конкуренции со стороны крупных быстроразвивающихся стран. В этом проявилось преимущество американской модели капитализма по сравнению с моделями других развитых стран, в частности японской. Однако доля США в мировом выпуске промышленной продукции после опережающего мировые показатели роста, благодаря интенсивному повышению производительности труда во второй половине 1990-х годов, сократилась в нынешнем столетии. Показатель 2015 г. стал на 7,4 п. п. ниже, чем в 2000 г.

По классификации У. Баумоля, различают предпринимательский капитализм, основу которого составляют малые и средние предприятия (МСП), поскольку они доминируют в реализации нововведений, и капитализм крупных компаний, которые подхватывают инновации и осуществляют массовый выпуск новой продукции, применяя новые способы производства (технологии). Кроме того, выделяют государственный капитализм с очень большим весом государства в принятии ключевых экономических решений, а также олигархический, где власть сосредоточена в руках ограниченного числа семей или индивидов. Для США характерно сочетание капитализма предпринимательского и крупных компаний, для Японии — крупных компаний и государственного (Булатов, 2017. С. 149). Именно нехватка полноценной предпринимательской ветви капитализма ослабила возможности Японии противостоять конкуренции со стороны развивающихся стран.

Япония раньше других развитых экономик ощутила конкуренцию в производстве и сбыте продукции обрабатывающей промышленности со стороны новых индустриальных и развивающихся стран. Это связано с географической близостью к ней государств, вступивших на путь индустриализации и располагающих большими ресурсами дешевой рабочей силы. К ним относятся Ю. Корея, Тайвань, Китай, Таиланд, Малайзия, Филиппины, Вьетнам. Япония, в первой половине 1990-х годов лишь немного уступавшая по выпуску промышленной продукции США, ныне не претендует на мировое лидерство. Ее доля за 20 лет — с 1995 по 2015 г. — сократилась на 13,2 п. п.

Причины негативных тенденций в экономике ЕС (включая еврозону), обострившихся под влиянием Великой рецессии 2008–2009 гг., требуют более обстоятельного рассмотрения. Снижение в XXI в. доли в мировом выпуске промышленной продукции крупнейших производителей в ЕС — Германии, Великобритании, Франции и Италии — показано в таблице.

В годы, когда обозначилась долгосрочная тенденция к снижению доли G7 в выпуске промышленной продукции, отмечалось ухудшение условий мировой торговли продукцией обрабатывающей промышленности. Увеличение экспорта изделий обрабатывающих отраслей из развивающихся стран сдерживало рост мировых цен на них. Нарастание выпуска обрабатывающей промышленности в развивающихся странах спо-

собствовало ускоренному росту спроса на сырье и топливо¹, что привело к повышению мировых цен на продукцию добывающей промышленности.

В 1989–2000 гг. среднегодовой темп прироста (СГТП) стоимости единицы мирового экспорта продукции обрабатывающей промышленности составил 0,4%, а единицы стоимости мирового экспорта продукции добывающей промышленности — 3,3%. В 2001–2014 гг. СГТП стоимости единицы мирового экспорта продукции обрабатывающих отраслей повысился до 2,6%, но еще больше росла стоимость единицы мирового экспорта продукции добывающей промышленности — на 8,9%².

От изменения условий торговли пострадала рентабельность обрабатывающей промышленности большинства развитых стран, снизилась привлекательность размещения там соответствующих производств. Ухудшение конъюнктуры на рынках продукции обрабатывающей промышленности развивающиеся страны компенсировали за счет дешевой рабочей силы.

Ослабление конкурентоспособности в условиях глобализации стало главной причиной снижения роли развитых стран в мировом промышленном производстве и экспорте товаров в начале XXI в. На снижение рентабельности производства в обрабатывающей промышленности развитых стран ТНК отреагировали увеличением прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в развивающиеся страны, усилилась финансиализация мировой экономики, что привело к кризису финансовой системы и резкому замедлению экономического роста G7 после 2007 г.

Поток ПИИ из развитых стран увеличился со 170,4 млрд долл. в 1988 г. до 1071,3 млрд в 2000 г., достиг пика — 1843,2 млрд — в 2007 г. и составил 1065,2 млрд долл. в 2015 г.³ Одновременно норма вложений в основной капитал в США в 2015 г. снизилась до 19,8% ВВП по сравнению с 23,0% в 2000 г. В Японии этот показатель уменьшился за 20 лет до 23,4% по сравнению с 29,5% в 1995 г. В еврозоне норма вложений в основной капитал в 2015 г. снизилась до 19,7% против 22,8% в 2000 г. (World Bank, 2017).

Развитие информационно-коммуникационной техники (ИКТ) и смягчение требований по страхованию операций с финансовыми активами сделали возможной быструю и масштабную реакцию банков, страховых компаний и хедж-фондов на изменение цен активов и курсов валют по всему миру. О масштабе операций в финансовом секторе можно судить по стоимости внебиржевых деривативов (финансовых контрактов между сторонами сделки, основанных на оценке будущей стоимости базисного актива), которая в несколько раз превышает объем мирового ВВП. По данным за 2016 г., эта сумма равнялась 544,1 трлн долл.⁴

В XXI в. из-за снижения отдачи вложений в промышленность развитых стран финансовые корпорации интенсивно переключились с кредитования нефинансового (производственного) сектора экономики на

¹ По оценке российских исследователей, в 2000-е годы Китай обеспечил более 50% мирового прироста потребления энергии (Григорьев, 2013. С. 517).

² Рассчитано по: WTO, 2016.

³ UnctadSTAT. Foreign direct investment: Inward and outward flows and stocks, annual, 1970–2015, <http://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx?ReportId=96740>

⁴ BIS Global OTC derivatives market, <http://www.bis.org/statistics/derstats.htm>.

получение в короткие сроки значительных доходов от купли-продажи финансовых активов. Пострадали долгосрочные инвестиции в производственные фонды, особенно МСП, ибо их развитие в наибольшей степени зависит от кредитов. Финансиализация могла негативно отразиться на формировании новых направлений научно-технического прогресса (НТП), поскольку именно на МСП приходится основная масса нововведений.

В США крупные банки, страховые и ипотечные компании могли делать ставку на рискованные операции как источник быстрых и высоких доходов. В случае неудачи они рассчитывали на федеральные денежные субсидии. Банкротство крупных финансовых игроков могло обернуться еще большими потерями в национальном масштабе. (Как показали события начала 1930-х годов, нарушение функционирования системы денежных расчетов чрезвычайно опасно.) По мнению авторов Экономического доклада президента США, благодаря своевременным мерам по спасению прежде всего финансовых корпораций удалось предотвратить превращение Великой рецессии во вторую Великую депрессию, то есть избежать социально-экономической катастрофы, равной по масштабам событиям начала 1930-х годов (ERP, 2017. Р. 22).

Программы спасения банкротов были развернуты в 2008 г., вскоре после начала циклического спада в декабре 2007 г. Суммы, выплаченные крупным финансовым компаниям, намного превысили пособия потерявшим работу и жилье. Размер финансовых активов, находящихся на балансе Федеральной резервной системы (ФРС), в конце ноября 2016 г. достиг 4,45 трлн долл., что более чем в пять раз превысило показатель конца 2006 г. Это в основном связано с реализацией ряда крупных программ по выкупу активов в период с 2008 по 2014 г. (ERP, 2017. Р. 75).

Размер штрафов, выплаченных крупнейшими банками США и Европы на основании закона Додда—Франка (Dodd—Frank Act) 2010 г., существенно меньше затрат на спасение финансовых корпораций от банкротства в связи с кризисом финансовой системы. Так, за операции с ипотечными кредитами, оплата которых не обеспечена доходами или имуществом их получателей, пять крупнейших банков США (J.P. Morgan, City Group, Bank of America, Morgan Stanley, Goldman Sachs) и два европейских (Deutsche Bank и Credit Suisse) выплатили Министерству юстиции США в 2013, 2014 и 2016 гг. 57,5 млрд долл. Из этой суммы 45 млрд пришлось на американские и 12,5 млрд — на европейские банки⁵. По данным Boston Consulting Group, крупнейшие банки мира выплатили за 2010–2016 гг. штрафов на сумму 321 млрд долл., большая ее часть пришлась на банки США. Примерно за тот же период (с III кв. 2009 по 2016 г. включительно) чистый доход оштрафованных банков, по данным Федеральной корпорации по страхованию депозитов, составил 987,8 млрд долл.⁶

Финансиализация как продукт обострения глобальной конкуренции отрицательно сказалась на создании рабочих мест в новых отраслях в развитых странах, несмотря на острую необходимость в них ввиду снижения занятости в традиционных отраслях обрабатывающей промышленности. В США за 2001–2015 гг. численность занятых в обрабатывающей промышленности сократилась на 5 млн — с 17,3 млн до 12,3 млн человек (ERP, 2017. Р. 580).

⁵ <http://money.cnn.com/2016/12/23/investing/banks-fines-mortgages/index.html>

⁶ <http://www.cnbc.com/2017/03/03/banks-have-paid-321-billion-in-fines-since-the-crisis.html>

Экономика и образ жизни стран меняются во многом благодаря применению новых или усовершенствованных устройств, оснащенных информационно-коммуникационными элементами. В докладе ЮНИДО отмечено революционное значение в предстоящие десятилетия таких нововведений, как мобильный интернет (широкое использование возможностей Интернета с помощью мобильных устройств), интернет вещей (дистанционное управление различными агрегатами, включая бытовую технику), «облачные» вычисления (использование ресурсов Интернета для переработки и хранения больших объемов информации) (UNIDO, 2015. Р. XIII).

В современных условиях компенсировать потерю рабочих мест в зрелых отраслях обрабатывающей промышленности можно не столько за счет формирования новых отраслей промышленности, сколько благодаря росту услуг, обеспечивающих модернизацию промышленности в научно-техническом и организационном отношении. Промышленность и связанные с ней отрасли услуг предъявляют повышенный спрос на представителей инженерных специальностей, а также математиков и исследователей в области ИКТ. Показательна в этом отношении статистика приема в американские вузы студентов инженерных и научно-исследовательских специальностей. По всем инженерным и научным дисциплинам в 2014 г. было принято 666,6 тыс. абитуриентов. СГТП приема по сравнению с 2007 г. составил 1,1%. По инженерным и наиболее востребованным научно-исследовательским дисциплинам было принято 283,7 тыс. (СГТП равен 4,4%) (рассчитано по: DES, 2016).

В США удалось снизить норму безработицы с 9,6% в 2010 г. (когда она достигла максимума) до 4,9% в 2016 г. Однако уменьшается участие населения трудоспособного возраста в рабочей силе. В 2000 г. этот показатель составил 67,1%, в 2016 г. — 62,8%⁷. Основная причина этого — сложно найти работу даже для лиц наиболее востребованных по возрасту категорий, но не имеющих высшего образования. Средняя продолжительность пребывания в статусе безработного достигла максимума в 2012 г., составив 39,4 недели (больше 9 месяцев). В ноябре 2016 г. этот показатель снизился до 26,3 недели (примерно 6 месяцев). Однако последний показатель все равно более чем в два раза выше показателя 2000 г. — 12,6 недели (около 3 месяцев) (ERP, 2017. Р. 579).

Финансиализация способствовала ускоренному росту доходов управляющих финансовыми компаниями и тем самым обострила проблему неравномерности в распределении доходов. В США в 2012 г. на 1% населения с наивысшими доходами приходилось 19,3% национального дохода по сравнению с 8,2% в 1980 г., а доля 0,1% самых богатых достигла 8% (Lorenzi, Verrebi, 2016. Р. 166).

За 2001–2015 гг. прибыль финансовых компаний от операций внутри США прирастала в текущих ценах в среднем на 7,8% в год, а предприятий обрабатывающей промышленности — на 5,9% (ERP, 2017. Р. 571). Средний недельный заработок рабочих и служащих США, не относящихся к управленческому персоналу, рос в текущих ценах за этот период на 2,6% в год, а заработок, дефлятированный на основе индекса потребительских цен, — всего на 0,5% (ERP, 2017. Р. 582). Разница в динамике доходов управляющих финансовых и нефинансовых компаний, а также доходов рабочих и служащих, не относящихся к управленческому персоналу, обусловила углубление неравномерности распределения доходов, ослабив устойчивость социально-экономического развития.

⁷ Bureau of Labor Statistics, <http://www.bls.gov/cps/cpsaat01.htm>

Кризис ЕС и еврозоны

Проблемы ЕС и еврозоны оказывают сопоставимое с США влияние на состояние мировой экономики. По данным МВФ, ВВП ЕС-28 по ППС в 2016 г. составил 19 973 млрд долл. В то же время ВВП США оценивался на уровне 18 562 млрд долл.

Приток ПИИ в 2015 г. в ЕС составил 25,6% мирового итога (в том числе в еврозону — 21,5%), а в США — 17,5%. Зависимость от международной торговли у ЕС и еврозоны существенно больше, чем у США. Воспроизводственная открытость по экспорту товаров и услуг в 2015 г. составила в ЕС 43,2% и еврозоне — 44,6, а в США — 12,6% (World Bank, 2017).

Опережающее увеличение экспорта по сравнению с ВВП стимулировало формирование экспортной стратегии экономического роста. По данным МВФ, в течение двух десятилетий — 1988–2007 гг. — мировой экспорт рос в 2,3 раза быстрее, чем ВВП (СГТП 7,2% против 3,1). В 2012–2016 гг. СГТП мирового экспорта в реальном выражении составил около 2,8%, а мирового ВВП в неизменных ценах — 2,5% (IMF, 2017b).

Чем выше уровень развития экономики, тем больше возможностей решить проблемы, возникшие в связи с кризисом финансовой системы. Вот почему США, несмотря на гигантские масштабы этого кризиса, сравнительно быстро справились с его последствиями. В 2016 г. реальный ВВП США вырос по сравнению с 2007 г. на 12,0%, в том числе в расчете на душу населения — на 4,5% (ВЕА, 2017).

В отличие от США, реальный ВВП 12 стран — основателей еврозоны в 2016 г. превысил показатель 2008 г. всего на 2,7%, а ВВП на душу населения — лишь на 0,3%. Можно говорить об относительном неблагополучии экономики большинства стран еврозоны, особенно на фоне прироста ВВП Германии на 8,2% и средневзвешенного показателя прироста ВВП стран ЕС, не входящих в еврозону, на 11,4%⁸.

На положении еврозоны сказалось отставание в конкурентоспособности модели социального рыночного хозяйства (СРХ), преобладающей в континентальной части европейской интеграционной группировки, от англосаксонской модели, наиболее продвинутым представителем которой являются США. Условия регулирования трудовых отношений и социальной защиты в рамках СРХ тормозят перераспределение рабочей силы в новые отрасли производства и поощряют иждивенческие настроения среди безработных.

Единая валюта в странах еврозоны и экономическая политика ЕС осложнили преодоление финансового кризиса и циклического спада, лишив относительно менее развитые страны возможности повышать конкурентоспособность и преодолеть дефицит торгового баланса за счет снижения курса национальной валюты. Затруднено и проведение антициклической налогово-бюджетной политики в связи с ограничениями на размер дефицита государственного бюджета.

⁸ Eurostat. GDP and main components (output, expenditure and income), http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=nama_10_gdp&lang=en

В США созданы мощные федеральные институты, способные проводить антициклическую политику и оказывать поддержку нуждающимся штатам. В ЕС наднациональные институты либо слабы (общий бюджет ЕС), либо не ориентированы на решение проблем, возникающих в условиях циклического спада и финансового кризиса (ЕЦБ).

В США расходы федерального бюджета составляют примерно 20% ВВП, на него приходится $\frac{2}{3}$ расходов консолидированного бюджета всех уровней государственной власти (Stiglitz, 2016. P. 8, 355). Значительная часть общественных благ финансируется государством, что создает благоприятные условия для частного предпринимательства и повышения уровня экономического развития в отстающих штатах. Федеральный бюджет может сводиться с профицитом или дефицитом. Это позволяет использовать его для сглаживания циклических колебаний.

В ЕС наднациональный бюджет формируется за счет 1% ВВП стран-членов. Он расходуется в основном на поддержку сельского хозяйства. Его расходы строго соответствуют доходам, то есть бюджет ЕС не может использоваться для проведения политики сглаживания циклических колебаний. По своим размерам и структуре расходов он также не подходит для решения этой задачи.

Существенно различаются и функции ФРС США и ЕЦБ. Задачи денежно-кредитной политики ФРС не ограничиваются регулированием покупательной способности доллара. В США в соответствии с Законом о занятости 1946 г. (Employment Act of 1946) федеральным институтам вменена обязанность использовать все ресурсы для максимизации трех показателей: занятости, объема производства и покупательной способности доллара.

ЕЦБ нацелен исключительно на поддержание стабильности цен, что зафиксировано в Договоре о функционировании Европейского союза. Председатель правления ЕЦБ (1993–2011 гг.) Ж.-К. Трише боролся с инфляцией, повышая ставку рефинансирования в 2001–2007 гг., когда рост общего уровня цен в еврозоне во многом был вызван повышением мировых цен на нефть. В действительности удешевление, а не удорожание, кредитов могло способствовать внедрению энергосберегающей техники и тем самым благоприятно влиять на развитие экономики и снижать инфляционный эффект от удорожания топлива.

В условиях циклического спада и финансового кризиса, начавшегося в 2008 г., было нерационально бороться с инфляцией, когда в еврозоне создавались предпосылки для дефляции. Страны-должники по требованию кредиторов проводили налогово-бюджетную политику, нацеленную не на преодоление спада, а на снижение дефицита государственных бюджетов. Провал политики экономии государственных расходов в условиях циклического спада наглядно выражен в росте государственного долга в 2007–2016 гг.: в Греции — со 103 до 179% ВВП⁹, в Испании — с 36 до 99, на Кипре — с 54 до 108% ВВП⁹.

Лауреат Нобелевской премии по экономике Дж. Стиглиц ставит вопрос о целесообразности сохранения еврозоны, по крайней мере

⁹ Eurostat. General government gross debt, <http://ec.europa.eu/eurostat/tgm/table.do?tab=table&plugin=1&language=en&pcode=tsdde410>

в ее нынешнем виде, ради спасения ЕС. Его монография «Евро и его угроза будущему Европы» посвящена исследованию экономических последствий введения евро (Stiglitz, 2016). Он приходит к выводу, что участие в экономическом и валютном союзе отрицательно сказалось на экономике средиземноморских стран.

Непоследовательность позиции Стиглица в том, что он призывает спасти ЕС, противопоставляя его еврозоне, в то время как ЕС нуждается в реформировании не меньше, чем последняя. Стиглиц убедительно показал, что дело не только в недостатках институциональной организации еврозоны, но и в устройстве ЕС и наднациональной политики Еврокомиссии, которая при поддержке МВФ и ЕЦБ (так называемая «Тройка») навязывала менее крупным и менее развитым странам еврозону политику жесткой экономии государственных расходов, губительную для них в условиях спада и обострения глобальной конкуренции.

Угроза распада еврозоны и ЕС, усилившаяся на фоне политических потрясений 2016 г. (Брексит, приход к власти в США Д. Трампа), может подтолкнуть страны — члены этих группировок к пересмотру институциональных основ и принципов, определяющих формирование наднациональной и национальной экономической политики. Очевидно, что ЕС и еврозона будут и дальше терять позиции среди развитых экономик, если не модернизируют не только наднациональные структуры, но и модель социального рыночного хозяйства для повышения конкурентоспособности в условиях дальнейшего обострения глобальной конкуренции.

Перспективы мирового экономического роста

Переживаемые ЕС и еврозоной трудности, предстоящий выход Великобритании из ЕС, курс президента США Д. Трампа на пересмотр НАФТА и отказ от мегарегиональных торговых соглашений (участие США в них планировалось его предшественником Б. Обамой) осложняют оценку перспектив мировой экономики, особенно на длительный период. PricewaterhouseCoopers (PwC) первой среди крупнейших компаний, занимающихся долгосрочным прогнозированием, представила свое видение соотношения сил крупных развитых и развивающихся экономик к середине XXI в. (PwC, 2017).

Свой прогноз компания построила на данных по 32 крупным странам, на которые пришлось 85% мирового ВВП по ППС в 2016 г. В их числе 21 развивающаяся и 11 развитых стран. В состав развитых, помимо G7, вошли Ю. Корея, Испания, Австралия и Нидерланды.

PwC прогнозирует снижение СГТП мирового ВВП до 2,6% в 2016–2050 гг. по сравнению с 2,8% в предшествующие 20 лет (1996–2015 гг.), которые включали периоды как ускорения, так и замедления экономического роста. По данным МВФ, объем мирового ВВП по ППС составил в 2015 г. 114,1 трлн долл. Этот показатель может увеличиться, по расчетам PwC, почти в 2,5 раза — до 280,3 трлн

долл. в 2050 г. в ценах 2015 г. Примечательно, что в качестве базового сценария будущего развития мировой экономики PwC приняла не средний, а наиболее оптимистичный.

Такие оценки основаны на предположениях, что современные вызовы не приведут к коренным изменениям в мировом экономическом порядке. В самом деле, процессы глобализации и интеграции не остановить, хотя в их эволюции нельзя исключать периоды неопределенности, связанные с попытками решить актуальные экономические проблемы с помощью протекционистских мер.

Оптимистический характер прогноза PwC подтверждается, если проанализировать причины замедления роста мирового ВВП. В основе долгосрочных прогнозов ВВП лежат две составляющие: динамика численности населения (экстенсивная) и динамика ВВП на душу населения (интенсивная, в которой выражается научно-технический и организационный прогресс). Замедление роста мировой экономики обусловлено снижением СГТП численности населения до 0,8% в 2016–2050 гг. против 1,2% в 1996–2015 гг. (UN, 2015). Это означает, что, несмотря на процесс старения населения и другие факторы, негативно влияющие на экономическое развитие, *СГТП среднедушевого дохода повысится*, согласно оценкам PwC, *до 1,8%*.

Особый интерес представляют перспективы изменения соотношения экономической мощи развитых (G7) и развивающихся (E7, emerging market economies). В состав E7 входят Китай, Индия, Индонезия, Бразилия, Россия, Мексика и Турция. В 1995 г. объем ВВП E7 был в 2 раза меньше показателя G7; в 2015 г. E7 догнала G7, а в 2040 г. ВВП E7 может, согласно оценкам PwC, вдвое превзойти ВВП G7. В целом в период до 2050 г. СГТП ВВП E7 достигнет 3,5%, а G7 — 1,6%. СГТП ВВП на душу населения составит соответственно 3,1 и 1,4%.

Динамика мировой экономики в основном будет зависеть от роста ВВП Индии и Китая в силу их значительного совокупного веса в мировой экономике и способности наиболее успешно развиваться по траектории догоняющего развития. Суммарная величина ВВП Китая и Индии по ППС в 2016 г. достигла 26% мирового итога и в 2050 г. повысится до 36,6%. СГТП ВВП Индии за период с 2016 по 2050 г., по расчетам PwC, может составить 4,9% и ВВП на душу населения — 4,1%, а Китая соответственно — 3,0 и 3,1%.

Поскольку Индия и Китай существенно отстают от развитых стран по величине ВВП на душу населения, их динамика характеризуется не столько циклическими колебаниями средне- и долгосрочного характера, типичными для развитых стран, сколько жизненным циклом догоняющего развития. В его рамках темпы прироста сначала ускоряются благодаря освоению все более сложной техники, а затем снижаются по мере перехода на более высокие ступени экономического развития, когда разрыв между передовым и средним уровнями применяемой техники сокращается. Самые высокие СГТП ВВП ожидаются в 2016–2020 гг., когда в Индии они приблизятся к 8%, в Китае превысят 6, а в мире составят 3,5%. Затем за каждое последующее десятилетие показатели будут снижаться. В 2041–2050 гг. в Индии они опустятся до 4%, в Китае ненамного превысят 2, а в мире составят 2,4%.

Изменится состав первой по объему ВВП десятки национальных экономик. В 2050 г. по сравнению с 2016 г. упрочит лидерство Китай: его доля в мировом ВВП по ППС возрастет с 18 до 20%. Индия поднимется с 3-го на 2-е место, ее доля увеличится с 7 до 15%. Китай и Индия сократят отставание от США по размеру ВВП на душу населения: в 2016 г. их показатели были соответственно в 4 и 9 раз меньше; в 2050 г. разница сократится до 2 и 3 раз.

В силу относительной прочности американской социально-экономической модели позиции США в мировой экономике изменятся незначительно. По объему ВВП они опустятся со 2-го на 3-е место, их доля в мировом ВВП снизится с 16 до 12%. Потери представителей других, менее конкурентоспособных разновидностей передовой рыночной экономики окажутся более существенными. ЕС подтвердит репутацию наименее конкурентоспособного центра развитой экономики: его доля в мировой экономике (в составе 27 стран, без Великобритании) снизится с 15 до 9%.

Россия — единственная экономика в первой десятке стран по размеру ВВП, которая сохранит 6-е место, став при этом первой в Европе. СГТП ВВП России в прогнозируемый период достигнет 1,9%, что существенно ниже мирового показателя (2,6%), хотя и выше, чем у «большой семерки» развитых стран (1,6%). Такая оценка РвС противоречит намерениям российского руководства обеспечить темпы экономического роста выше среднемировых. ВВП по ППС России составит в 2050 г. 7131 млрд долл. (в ценах 2015 г.), что на 16% превысит показатель Германии (6138 млрд долл.). С учетом разницы в численности населения среднедушевой доход России достигнет примерно $\frac{2}{3}$ показателя Германии.

При оценке обоснованности долгосрочного прогноза, прежде всего передовых стран, наиболее важен вопрос о будущей динамике НТП и его роли в обеспечении интенсивной составляющей экономического роста, то есть о производительности труда или ВВП на душу населения. Именно по динамике производительности труда передовых стран чаще всего судят о роли НТП в экономическом развитии. Но можно ли утверждать, что снижение СГТП производительности труда в США как лидера НТП дает основания выделить долговременную тенденцию к ослаблению интенсивности НТП?

После 2007 г. существенно замедлился рост производительности труда в США и развитых странах в целом. СГТП производительности труда в расчете на человеко-час рабочего времени в США, составивший 2,2% в 1996–2007 г., снизился более чем в два раза в 2008–2015 гг. — до 1,0%. В Японии в 2001–2007 гг. рассматриваемый показатель был равен 1,8%, а в 2008–2015 гг. он снизился до 0,7%, в Германии — соответственно с 1,7 до 0,6%, в Великобритании — с 2,1 до 0,1%¹⁰.

Нынешняя ситуация напоминает перелом в развитии передовых стран в 1970-е годы. В США СГТП производительности труда, составивший 2,9% в 1949–1973 гг., снизился до 1,5% в 1974–1995 гг.

¹⁰ OECD.Stat. Growth in GDP per capita, productivity and ULC: Multifactor productivity, https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=PDBI_I4

Оценки факторов роста производительности труда США за 65 лет после 1948 г., содержащиеся в Экономическом докладе президента 2015 г., показывают, что примерно половина прироста производительности труда обеспечивалась за счет повышения совокупной факторной производительности, то есть научно-технического и организационного прогресса, около 40% — благодаря росту капиталовооруженности труда и около 10% — за счет повышения качества рабочей силы, то есть уровня образования и профессиональной подготовки.

Изменения в динамике производительности труда циклического характера в основном связаны со сдвигами в совокупной факторной производительности: замедление СГТП в 1974–1995 гг. по сравнению с 1949–1973 гг. практически целиком обусловлено снижением последней. Вклад капиталовооруженности труда уменьшился до 0,8 п. п. против 0,9, а качества рабочей силы повысился до 0,3 п. п. против 0,2 (ERP, 2015. Р. 206–207).

Падение интенсивности роста производительности труда после 2007 г. в основном обусловлено снижением совокупной факторной производительности. В США ее СГТП уменьшился с 1,4% в 1996–2007 гг. до 0,5 в 2008–2015 гг.; в Японии — соответственно с 0,7 до 0,4; в Германии — с 1,1 до 0,4; в Великобритании — с 1,6 до -0,2; во Франции — с 1,1% почти до 0¹¹.

Динамика совокупной факторной производительности обычно связана с быстрым ростом в восходящей волне большого цикла молодых отраслей производства, основанных на новых направлениях научно-технического прогресса. Переход в нисходящую волну цикла обусловлен наступлением фазы зрелости большинства новых отраслей, ослаблением конструкторской ветви НТП, которая создает прототипы новых видов продукции. В нисходящей волне большого цикла преобладает технологическая ветвь НТП, которая обеспечивает снижение затрат на единицу продукции.

Главное отличие изменений в динамике интенсивной составляющей экономического роста США и других передовых стран после 2007 г. от ситуации в 1974–1995 гг. — модификация большого цикла в XXI в., связанная с переходом доминирующей роли в мировом экономическом росте от крупных развитых стран к крупным развивающимся экономикам с обострением глобальной конкуренции. Это ограничило степень и сроки повышения совокупной факторной производительности в развитых странах за счет уменьшения масштаба производства.

Снижение доли в ВВП обрабатывающей промышленности и ее наукоемких отраслей, характеризующихся высокими темпами роста производительности, также повлияло на темпы экономического развития. В США под воздействием глобальной конкуренции доля обрабатывающей промышленности в ВВП сократилась до 12%, хотя на нее приходится почти 80% частных расходов на научные исследования и разработки и свыше 60% экспорта страны (ERP, 2017. Р. 38, 40).

¹¹ OECD.Stat. Level of GDP per capita and productivity, https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=PDBI_I4

Важно, что в ИКТ — локомотиве экономического развития — преобладает технологическая ветвь НТП. Благодаря ИКТ производительность растет за счет не столько занятости в новых отраслях, сколько сокращения рабочей силы в традиционных производствах на основе программируемой автоматизации рутинных процессов.

Имеются и важные сходные черты замедления процесса экономического развития после 1973 и после 2007 г. В первом случае оно было сопряжено с энергетическим кризисом, резким повышением цен на сырье и топливо. Низкие показатели роста сохранялись до начала 1980-х годов. Во втором случае на динамику экономического роста негативно повлиял кризис финансовой системы. Не исключено, что развитые страны в ближайшие годы смогут продемонстрировать более высокие темпы экономического роста. Но прогнозируемые PwC СГТП ВВП на душу населения G7 в период до 2050 г. на уровне 1,4%, как и 3,1% для E7, представляются достаточно оптимистичными, хотя возможности для догоняющего развития развивающихся стран значительные.

Реализация потенциала экономического роста, которым располагают развивающиеся страны, в том числе Россия, зависит от эффективности государственных расходов на фундаментальную науку, повышения качества образования, развития инфраструктуры. Акцент на государственных ассигнованиях в данном случае закономерен, поскольку общественные блага не могут развиваться должным образом только за счет частного капитала.

* * *

Несмотря на дальнейшее усиление позиций развивающихся стран в мировой экономике и особенно в промышленности, развитые страны и мировое сообщество в целом, вероятнее всего, отвергнут как контрпродуктивные попытки решать актуальные экономические проблемы с помощью мер протекционистского характера. Ускорение темпов мирового экономического развития связано с использованием преимуществ глобализации и достижений научно-технического прогресса. Возможности преодолеть негативные последствия глобализации — снижение занятости трудоспособного населения в развитых странах, усиление неравномерности в распределении доходов — обусловлены совершенствованием социально-экономической политики на базе достижений науки, а не стремлением противостоять объективным экономическим процессам.

Список литературы / References

- Булатов А. С. (ред.) (2017). Мировая экономика и международные экономические отношения: Учебник. М.: КНОРУС. [Bulatov A. S. (ed.) (2017). *World economy and international economic relations*. Textbook. Moscow: KNORUS. (In Russian).]
- Григорьев Л. М. (науч. рук.) (2013). Мировая экономика в начале XXI века: Учеб. пособие. М.: Директ-Медиа. [Grigoriev L. M. (ed.) (2013). *World economy in the beginning of the XXI century: A textbook*. Moscow: Direct-Media. (In Russian).]

- BEA (2017). *National economic accounts*. Washington, DC: U.S. Bureau of Economic Analysis.
- DES (2016). *Digest of education statistics*. Washington, DC: US Department of Education, December.
- ERP (2015). *Economic report of the president*. Washington, DC: U.S. Government Publishing Office.
- ERP (2017). *Economic report of the president*. Washington, DC: U.S. Government Publishing Office.
- IMF (2017a). *Direction of trade statistics quarterly*. Washington, DC: International Monetary Fund Statistics Department.
- IMF (2017b). *World economic outlook database*. Washington, DC: International Monetary Fund.
- Lorenzi J.-H., Berrebi M. (2016). *A violent world. Modern threats to economic stability*. New York: Palgrave Macmillan.
- PwC (2017). *The long view. How will the global economic order change by 2050?* London: PricewaterhouseCoopers.
- Stiglitz J. E. (2016). *The euro and its threat to the future of Europe*. London: Allen Lane.
- UN (2015). *World population prospects: The 2015 revision, key findings and advance tables*. New York: United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division.
- UNIDO (2015). *Industrial development report 2016. The role of technology and innovation in inclusive and sustainable industrial development*. Vienna: United Nations Industrial Development Organization.
- World Bank (2017). *World development indicators*. Washington, DC: World Bank.
- WTO (2016). *World trade statistical review*. Geneva: World Trade Organization.
-

Upheaval in the distribution of power in the world economy: Problems and outlook of the world economy to 2050

Vilenin Klinov^{1,2}

Author affiliation: ¹ MGIMO-University; ² Institute for the USA and Canadian Studies (Moscow, Russia). Email: vg.klinov@mail.ru

Causes of upheaval in the distribution of power among large advanced and emerging market economies in the XXI century, especially in industry output and international trade, are a topic of the paper. Problems of employment, financialization and income distribution inequality as consequences of globalization are identified as the most important. Causes of the depressed state of the EU and the eurozone are presented in a detailed review. In this content, PwC forecast of changes in the world economy by 2050, to the author's view, optimistically provides for wise and diligent economic policy.

Keywords: world economy, developed countries, developing countries, globalization, employment, income distribution, technological progress, ICT, economic policy.

JEL: E60, F15, G15, H12, H41, H60, J11, O11, O47, O57, P50.